

**Владимир
ПЕТРУШЕНКО**
г. Рубежное,
Луганская область

***Реальные истории реальных людей,
жизнь которых навсегда изменила
война на Донбассе***

День рождения козы Насти, или Бумеранг доброты

В этот день я не успел пройти КПВВ (контрольный пункт въезда и выезда) до закрытия (обстреляли мост, и военные приказали разойтись до завтра), пришлось остаться ночевать у местных жителей. Мы с хозяином вышли во двор покурить. Николай Данилович с женой Людмилой переселились в станицу Луганскую с внуком Ромой, родители которого уехали в Чехию на заработки. Переселились потому, что приходилось ездить из Луганска, где они жили, в станицу очень часто. Супруги – пенсионеры, и их пенсии – вопрос выживания. В станице дома недорогие (из-за обстрелов), вот и решились.

Страх лишиться пенсии объединяет всех людей, выстаивающих очередь за ее получением. Без пенсии им не выжить. Любые слухи о том, что их могут лишиться этой помощи от государства, вызывают у них страх и панику. Хотя на самом деле выплата пенсий пенсионерам-переселенцам может быть приостановлена в двух случаях. Первый – если человек за 60 дней ни разу не пересекал границу, то есть покинул территорию Украины и не вернулся в положенный срок. После этого пенсионеру придется пройти верификацию в Пенсионном фонде (ПФУ). Сначала подать заявление в ПФУ на восстановление выплаты пенсии. Тот, в свою очередь, подает заявление на проверку места фактического проживания. Проверку проводит специалист из управления соцзащиты, который составляет акт и передает на рассмотрение комиссии либо в городскую, либо в районную администрацию. А там уже решают: восстанавливать пенсию или приостанавливать. После того как решение будет принято, начинает действовать ПФУ.

Второе основание – непрохождение идентификации в банке. Если у пенсионера обычная карточка, то он должен проходить процедуру каждые 3 месяца. Прийти в банк, поинтересоваться количеством средств на счете или снять наличные. Переселенцы, имеющие электронное пенсионное удостоверение, проходят эту процедуру первый год – каждые 6 месяцев, а в дальнейшем – один раз в год. Но это все информация для потенциальных переселенцев.

А Николай Данилович уже сделал свой выбор. Из двух зол он выбрал... в любом случае – очень опасный вариант.

Я смотрю на пробитую прямо по центру крышу сарая. Николай Данилович отвечает на мой заинтересованный взгляд:

– Это в августе. Сразу две к нам залетели. Одна

сарай уничтожила. Другая во дворе разорвалась. Но об этом надо долго рассказывать. Тут целая история...

В августе у жены юбилей – 60 лет. Я ей деньжат поднабирал на сапожки. А то как слякоть – у нее сразу ноги мокрые, старые прохудились совсем. Вот Людмиле заранее и говорю, что полтыщи у меня есть НЗ, еще немного добавим и купим тебе сапожки на пенке, чтоб и тепло, и воду держали. Думаю, сейчас моя половина так и расплывется в благодарной улыбке. Ага, держи карман шире. Говорит, насобирал – это хорошо. У внука Ромы такая же пенка, как ты говоришь, только 32-го размера, а ему уже 34-й надо. Он в этих сапожках уже третий год ходит. На вырост покупали. Как инвалид, ходит, хромает на обе ноги. Ты разве не замечаешь?

– Замечаю. И что?

– И то. На мой юбилей купим внуку новые сапожки, это и будет для меня лучший подарок.

Вы мою Людмилу видели?.. Это у нее только имя – «людям милая», а так она – гром и молния, и спорить с ней – все равно что выключенный телевизор смотреть.

Но совесть моя чиста, говорю, я тебе подарок дарю – эти деньги, а дальше хоть в форточку их выкинь. Ляпнул я и тут же спохватился: берем-берем внуку сапожки... Думаю, не буды лыхо, пока воно тыхо, не буду лезть в бутылку. Люда моя такая, что «из принципу» и телефон выбрасывала, и целую бутылку десятилитровую бражки разбивала.

Супруга положила свой подарок под полотенца в шифоньер до срока. Вот срок и настал. 13 августа – юбилей. Чертова дюжина оправдала свое название. Гакнуло нам в подарок на именины сразу две мины. Одна сарай изуродовала, а другая во дворе беды наделала, а главное, козе Насте осколком ногу перебила. Слышим – ужасный крик в вымбаре. Так коза плачет. Это со слабым сердцем и слышать не надо. Я схватил топор, чтоб не мучилась. А тут внучок Рома меня опередил, прижался к Насте, обнял ручонками своими и кричит на пару с ней. А то и громче: «Не дам Настю убивать. Не-е-е да-а-а-м!!!!» И оторвать его от козы не могу, и вижу, что кровью изойдет коза, все равно убить придется... А передо мной заплаканные глаза внука и просто человеческие, полные боли, глаза Насти.

Дрогнула рука, опустил топор. А внук перевязал тряпкой лапу ей и за ветеринаром Степаньчем побежал, он через два дома живет. И тут я понял, что слабину дал. Мало того что мучиться будет коза, и мы с ней, так это еще и денег каких будет стоить ее лечение-то. Тут себе во всем отказываешь, таблетку от головы не покупаешь, эконо-

мишь, так пройдет, думаешь, а теперь – нате вам, пожалуйста, на козу последние гроши тратить.

Я решил снова взять топор, пока Ромы нет. Кинулся туда-сюда, нет топора. Вот, малец, спрятал куда-то, а то и вообще выкинул. Пошел я искать. Когда вернулся с топором (за огородом под камнем его нашел), на ногу козе Степаныч уже шину наложил и укол ей сделал. Антибиотик дорогой. Смотрю, их у Ромы целая пачка. Где он их взял? А еще – бинты, жгуты... Думаю, врач прихватил, в долг, может? А когда все улеглось и Настя после уколов утихомирилась, смотрю, моя Людмила пронеслась мимо меня как смерч – и к внуку. Схватила его за руку и за сарай повела разбираться. Ладно, думаю, потом спрошу, в чем смысл ее гнева. Да за делами и забыл. Много мне работы эти смертельные подарки принесли. Начал все восстанавливать во дворе, окна стеклить в доме. Доработался на улице под ветром, что простыл сильно. А тут еще старая болячка вернулась. Пришла беда – открывай ворота: язва в желудке воспалилась. Вот моя баба и внучок целых два месяца потом меня отпаивали Настиним молоком. Выздоровел. – Данилович крякнул в кулак, нахлобучил шапку на глаза... – Спасибо тебе, Настенька... Да, а деньги-то, что моя баба в шифоньере прятала на сапоги Роме, тот же Рома и стыбзил. На лечение Насти. Все до копейки потратил.

– Вы же, говорит, мне подарок купить собрались, а для меня лучший подарок – это наша живая Настя. Так что день рождения у козы Насти получился на самом деле.

Он покинул свой дом навсегда

Пенсионеру Николаю Гавриловичу пришлось навсегда уехать из родного дома, в котором он прожил всю жизнь. А ведь даже во время интенсивных боевых действий старик никуда не собирался уезжать. Но... не сложилось...

Республика, которая «так называемая». Магазин «Лидер». Именно сюда должна подъехать синяя «девятка» в 3 часа 40 минут, чтобы отвезти желающих (в том числе и меня) пораньше на КПП, к станции Луганской.

До контрольного времени остается 15 минут, я хожу, как часовой, вперед-назад... Еще темно, еще в силе комендантский час, поэтому чувствую себя некомфортно и при малейшем шуме, напоминающем шаги, прячусь за здание магазина... Не то чтобы очень боюсь патрульных, но лучше – как лучше. Зачем мне потом показывать документы и доказывать, что я не верблюд, то есть нарушил закон комендантского часа исключительно

из желания уехать пораньше на частном транспорте на КПП.

Сам анализирую свои оправдательные слова перед смоделированным патрулем и чувствую, что не убедительно, могут и задержать, как говорится, до выяснения личности и обстоятельств... Прячусь, в очередной раз услышав шаги, за угол магазина и вижу, как к его входу медленно, тяжело подходит явно старческая фигура. Главное – не патрульный... Выхожу из укрытия, здороваюсь. Оказывается, дедушка (лет восьмидесяти), он же – Николай Гаврилович – тоже будет ехать синей «девяткой» до станции.

Попутчик оказался очень разговорчивым брянкинчанином, коренным жителем поселка. Живет он в частном секторе, почти в километре от нашей посадочной точки, поэтому и путь для него сопоставим с турпоходом немалой дальности.

Подходит оговоренное время. Звоню Алексею (водитель ожидаемого авто) и в ответ слышу, что небольшая поломка, минут через двадцать будет. Ну, теперь можно и не суетиться, спокойно дослушать рассказ Николая Гавриловича о том, почему он все-таки становится переселенцем на старости лет и покидает отчий дом...

Последняя капля

Давно его просила пойти на такой шаг дочка Наталья, которая работает в Северодонецке врачом, а живет в Рубежном (микрорайон Южный), снимает там квартиру в двухэтажном здании. Уговаривала, наверное, целый год... Но Николай Гаврилович все категорически отказывался. Говорил, что сколько там ему еще Господь разрешит пожить... Всего-то ничего. Что ж перед смертью бросать свой край, свой дом? В Северодонецке живет и работает уже много лет Егор, племянник. Вот к нему на постоянное теперь уже место жительства и выезжает мой собеседник.

Почему все-таки решил ехать? Да тяжело ему жить одному в доме, да денег не хватает и на пропитание (спасибо дочке, помогает), да в случае болезни и позаботиться некому, в аптеку сбежать. Да что там в аптеку – стакан воды некому подать будет... Но все это он бы терпел ради дома родного и края отчего...

Но последней каплей стал случай трехдневной давности. Вышел Николай Гаврилович рано утром (только светать стало) из дома, взял с собой лопату для устрашения и отправился на огород. Последние дни кто-то безобразничать стал: то морковку, то бурячок вырывает, уже и до картошки добрался. Вот, думает хозяин огорода, я сейчас

этому наглецу, если попадется, лопатой пригрожу. И попался. Вернее, попались. Видит хозяин, на его огороде хозяйничают два недобрых молодца. Видно, что ребята крепкие. Этакие Илья Муромцы. Обнажились по пояс (жарко уже с утра) и проворно так лопатами орудуют, картошку в ведра собирают. Ну и что старому Гавриловичу делать? Куды бедному крестьянину податься за помощью и правдою? Прогонять, угрожать? Это только Моська может в басне себе позволить лаять на слона. А Николай Гаврилович, немного поразмыслив, вернулся во двор, взял ведро и теперь уже, обойдя соседский двор и огород, подошел к недобрым молодцам. «Можно и я, – говорит, – ребята, себе ведро накопаю, а то совсем есть нечего». Первому богатырю явно не понравилась наглость чужака. А второй махнул рукой: давай, мол, батя, пристраивайся. Набирай свое ведро. А товарищу заметил, что не надо переходить красную линию. Седину уважать надо. Пусть копает старый... Вот так Николай Гаврилыч с разрешения воров и накопал себе в своем огороде последнее ведро, которое и стало последней каплей. Остаться без картошки на зиму одинокому и немощному – это... Да что там рассказывать. И так понятно «это»...

Прощание

И вот он рядом со мной ждет «девятку». Вместо обещанных 20 минут прошли уже 45. Первый тайм, как поется, мы уже отыграли... Еще 45 ждать нет смысла, тогда уже лучше и дешевле на рейсовом автобусе – все равно как минимум четырех часов стояния в очереди уже не избежать. Но вот – долгожданное авто. В нем уже сидят две женщины-пассажиры, вставшие в такую рань с той же целью – обхитрить очередь, не стоять часами под палящим солнцем. Выехали. И путь предстоит неблизкий – через Алчевск, Луганск, к станции Луганской, да и время поджидает, надо спешить. Но тут мой знакомый вдруг просит водителя: «Сынок, тормозни на погосте, проститься надо с родными, я недолго...» Водитель недоброльно возражает: это и крюк, мол, надо сделать, и времени в обрез. И денег это дополнительных стоит... Я кладу руку на плечо водителю Алексею: «Тормозни, я заплачу...» Делаем крюк, подъезжаем. Выходим вдвоем с Гавриловичем. Я помогаю ему идти. Он легко и довольно быстро (наверное, часто приходил сюда) отыскивает родные могилки. Сначала прощается с внуком. На памятнике фото восемнадцатилетнего парня с жизнерадостной улыбкой. Николай Гаврилович целует фото и гладит дрожащей рукой: «Прости,

внучок, прости, Сашенька, уезжаю. Навсегда. Больше не приду...» Его плечи задрожали. Он повернулся к другому памятнику, что рядом. Поцеловал фото супруги. «И ты прости, Катерина... Обещал, обещал... с вами останусь. Но надо ехать. Прощайте...»

Трудная дорога

Через полтора часа мы подъезжаем к длинной очереди автомобилей. Внизу где-то в километре от нас – КПП, через которое начнут пускать в 6-30. Я оставляю пока Николая Гавриловича в машине, а сам с женщинами ищу варианты пересадки. Но желающие подзаработать сами отыскивают нас. Пересаживаемся в микроавтобус, который ближе к пропускному пункту машин на пятьдесят, и стоит это сто гривен, или двести рублей. Забираю своего знакомого (теперь мы уже как бы в одной связке). За 5 минут до открытия КПП наша «газелька» стартует вместе с еще пятью-шестью микроавтобусами, игнорируя впереди стоящие легковушки (такая здесь своя иерархия, или движение «по понятиям»), мчит нас к заветной цели. Без очереди пропускают только инвалидов и граждан с малолетними детьми, поэтому я объясняю это своему попутчику и оставляю его идти самому до линии пропуска, а сам стартую, как спринтер, чтобы занять очередь и на Гавриловича. Прибегаю. Отдышался. Объясняю всем рядом стоящим, что не один, что занимаю очередь на пожилого родственника. Очередь подходит, а «родственника» нет. Я нервно выглядываю и пропускаю перед собой «пятерку» (очередь выстраивается по 5 человек). Пропускаю еще одну, а старика все нет. За это время должен был показаться на взорванном мосту... Нет. На той стороне нас уже ждет другая «газелька», и места нам забронированы. Вот что деньги животворящие делают. Все можно купить. Но и долго ждать не будут нас, найдут других желающих уехать до Северодонецка... Может, плохо ему стало? Врачи помощь оказывают? Это нередкое явление под этим неумным, почти африканским солнцем... Но вот долгожданная фигура старика – на горизонте. Молодец, Гаврилович. Я выбегаю из уже пятой «пятерки» и машу руками. Он поднимает руку. И, по-моему, улыбается. Как-то скупое и непривычно для себя. Видно, разучился улыбаться за последние три года войны...

Когда мой боевой дед заплакал (рассказ восьмилетнего переселенца)

Зовут меня Ярослав, мне восемь лет, живу в г.Брянка, ЛНР. Я хочу рассказать о своем деду Коле. Он меня решил сделать переселенцем и забрать к себе. Дядя Сережа, мой отчим, работал на Алчевском заводе, но из-за войны остался без работы, как и многие рабочие заводов в Луганской народной республике, и поехал в Польшу, чтобы деньги заработать. Мама в отпуске специальным, у нее на руках (как говорит бабушка) еще Ева, моя сестра, которой недавно исполнился годик. Решили переехать жить мы с мамой в Кременную, там есть и родственники, и хорошие знакомые... Но я о дедушке хочу вам рассказать.

На границе

Станицу Луганскую сильно обстреливали, и дед Коля решил взять меня из Украины в Украину через российскую область. Так он сказал. На таможне большая очередь. Один автобус проверяют 45 минут. Я подсчитал, что еще стоять в очереди (для автобусов она отдельная) минимум 12 часов. Когда мы несколько часов ехали до границы, дед все время стоял в автобусе, уложив меня на два сиденья в самом конце автобуса, чтобы я спал. А сам все время стоял. И вот теперь я выспался и спрашиваю деда: почему здесь нельзя, как в очереди на мосту, чтобы с ребенком пройти раньше взрослых? Он объясняет как может и как может пытаться скрасить время ожидания, рассказывая мне придуманные истории или забытые детские сказки...

4 часа ночи. Проходят долгожданные 12 часов, и... нас не пускают через границу: в доверенности мамы на дедушку не такая фамилия, как у папы...(мама второй раз вышла замуж). Я в отчаянии, я так хотел побыстрее попасть в село, где меня ждет друг Артем...Плачу, спрашиваю, как теперь возвращаться и потом снова стоять 14 часов на границе? А дед, как стойкий оловянный солдатик, не переживает почему-то, улыбается и подбадривает меня...

Ответка

Когда вернулись в Брянку, попали под обстрел – была «ответка» (это когда стреляют в ответ на выстрелы из пушек или «града»). Мама схватила на руки Еву и подбежала к кровати деда. А тот опять невозмутимый такой, говорит спокойно, как будто мне уроки объясняет, что сейчас выйдет на

улицу, надо убедиться, что по нам пуляют. Убедился. Вернулся и дал команду всем нам – в гаражную яму. Другого подвала в сараях или венбарах (так у нас называют сарай для зерна) нет. Сидели в подвале спокойно до рассвета. Спокойно – потому что дед с нами. Он открывал банки с помидорами и варенье. И снова говорил, что это в жизни еще не самое страшное. Говорю же вам, что он боевой и с ним ничего не страшно. Мы отсиделись... А у соседей через два дома все окна выбило. Потом еще одна страшная история случилась...

Растяжка

Это было в начале сентября. Я перешел во второй класс, и мы с дедом возвращались в Брянку после летних каникул. Станицу опять сильно обстреливали, временно закрыли, и мы решили попробовать через Золотое (это поселок такой), потом через шахту, через Первомайск...

Сначала шли по серому асфальту, из него торчали хвостатые неразорвавшиеся мины. На деревянных табличках, которые выныривали, как пугловки из болота, нам навстречу по обе стороны – то же противное слово «мины!». А вот и большой кусок фанеры (с таким же словом) лежит посреди дороги! Значит, надо сворачивать влево, в просеку в посадке. Этот маршрут нам обстоятельно растолковала пожилая женщина в Золотом...

Дед шел по тропе очень медленно, шагов на тридцать впереди меня. Такая у нас была договоренность. Я старался идти след в след, глядя, где дед ступает, как он приказывал. Хорошо, что тропа не виляла, как змея, и я все время видел дедушку Колю. И вот уже мы в конце посадки, видно железную дорогу...

Тонкая медная проволока полоснула деда по животу и прижалась к нему, как готовая укусить ядовитая змея. А ведь он очень опытный и шел медленно, все время смотрел под ноги. А проволока растяжки – на живот легла...

Медная проволока блеснула на солнце... Смертельно блеснула... прижалась к белой футболке деда.

– Ярослав! – одной глоткой крикнул он мне в воздух, не поворачивая головы и стараясь не напрягать живот. – Ложись на землю! Если прогремит взрыв и меня ранит... – пойдешь назад к украинскому блокпосту... Ложись на землю, Ярик!!!

Я уже знал, что такое бомбежка, свист пуль и осколков, поэтому дед верил, что я сделаю все правильно и быстро, без хныканья... Он верил в меня...

Дед Коля думал: упасть резко на проволоку и надеяться, что осколки пролетят мимо, или попрыгать медленно двинуться назад по миллиметру?

Первый вариант был опасен тем, что взрыв будет точно, а осколки не только убьют или ранят его, но могут попасть и в меня. Я знаю, он думал только обо мне... Во втором варианте был шанс... Стараясь делать совсем короткие вдох и выдох, дедушка медленно подставил ладонь рядом с животом. Он почувствовал, как прикоснулась проволока-змея... Втянул сначала в себя живот и лишь потом начал осторожно и тихо отклоняться назад... По миллиметру стал двигаться. Проволока, словно прилипнув к животу, следовала за ним... Ее остановила подставленная ладонь... Это он мне потом все рассказывал, как в кино было...

Когда дедушка подошел к мне, он радостно удивился, что я не просто лег на землю, но и прикрыл голову руками. Хотя сам учил меня этому раньше. Так я прикрывал голову на заднем сиденье в машине, когда мы с ним мчались из Луганска к станции Луганской, убегая от разрывов мин.

– Молодец, Ярик! Мужик! – крикнул дед. А когда я непонятно почему расплакался, сказал мне свои слова заветные: это еще не самое страшное в жизни... Мужики не плачут! Он даже станцевал лезгинку. Это у него тоже привычка такая. Когда во второй раз ночью нас все-таки пропустили через границу, он тоже лезгинку танцевал... А люди вокруг смеялись...

Мы обошли проволоку и вышли на железнодорожную колею.

Мужики тоже плачут?

Я заболел... Когда дед Коля узнал, что у меня очень мало лейкоцитов (по анализу крови) и что это может быть страшной болезнью, он примчался ко мне за полдня. Как на вертолете. Ему только в очереди на КПП надо стоять 5-6 часов. Не знаю, как он так быстро... Привез дедушка деньги, лекарства, еду всякую, овощи, фрукты... В Брянке мало лекарств в аптеках, да и на платный анализ пришлось ехать в Стаханов. Подтвердится страшный диагноз, не подтвердится?

Дед нервничал на скамейке в коридоре. Вставал, ходил туда-сюда. Снова садился и молчал... Мы с мамой были в кабинете. Результат объявляют через час. Вот доктор сказал маме – количество лейкоцитов уже... 4,6... Я сразу выскочил в коридор обрадовать деда, крича на ходу эти цифры. А дед, вместо того чтобы обрадоваться и засмеяться от радости, вдруг заплакал.

Первый раз я видел, чтобы мой боевой дед плакал. Под обстрелами, на растяжках не ойкал и не боялся. А тут заплакал. Странно... Я его погладил по белой голове и сказал его слова: «Это еще не самое страшное в жизни. Так?»

Вверх по лестнице, ведущей в небо

И вновь знакомый маршрут Рубежное – станция Луганская. Потом еще Луганск, Алчевск... Достаточно часто мне приходится добираться туда и обратно. Именно добираться. Ехать можно, например, из Северодонецка в Сватово, а через линию разграничения надо... добираться. Но я не сетую. Именно в дороге чаще всего мне удается поговорить попутчика-переселенца и услышать очередную драматическую историю нелегкой человеческой судьбы. В самом городе, когда приедешь к ВПЛ, он так же казенно и сухо, как и эта аббревиатура, скажет, что он как Временно Перемещенное Лицо не очень хочет светиться со своими бедами в прессе, или в лучшем случае попросит прийти в следующий раз. А вот в дороге есть что-то доверительное, объединяющее и уравнивающее всех пассажиров перед лицом надвигающейся... очереди.

Все ее ждут, все ее боятся, вернее, ее размеров, выглядывая в окно автобуса, а где же кончается хвост этой змеевидной, пребывающей в постоянном движении шеренги людей. Сегодня я еще на автостанции в Рубежном познакомился с Николаем Сергеевичем из Луганска. Вернее, он переехал сначала из Первомайска в Луганск, а вот теперь пытается прописаться в Рубежном. Решил покинуть и Луганск.

Когда подошел автобус и пассажиры начали привычно активно и жестко рассаживаться согласно купленным билетам, я проявил наглость и сел рядом с Николаем Сергеевичем на 32-е место. Я знал, что истинный владелец места на меня не обидится и с удовольствием сядет на мое место. Почему? У меня место номер 4. Это рядом с выходом. Такие места в этом рейсе на вес... времени. Сел впереди – выиграл по сравнению с сидящими на последних местах минимум час стояния в уже упомянутой нами змеевидной очереди. Николай Сергеевич не очень оправдывал мои надежды. Все время смотрел в окно, как будто по убегающим вдаль деревьям и домам пытался определить, сможет ли этот город стать ему родным или зря он это все затеял...

После того как я предложил девушке, ехавшей за своим счастьем в одноименный город Счастье, сесть на мое тоже счастливое место возле водителя и она, естественно, легко согласилась, я стал искать момент, чтобы начать разговор с попутчиком. Как? Не о погоде же спрашивать? Или начать традиционно ругать две беды – дороги и дураков для зацепки?

Николаю Сергеевичу лет под шестьдесят. Вежлив. Малословен. Если что-то и говорит, то слова сразу обдают глубокой грустью и безысходностью. И как к нему пробиться со своими авоськами вопросов? Вот так и едем молча в полудреме час... два... На блокпосту с основательной проверкой (это когда надо всем выходить на улицу и ждать с полчаса, пока проверят на компьютере паспорта всех пассажиров) наконец-то решаю узнать причину его грусти.

– Что-то не ладится с пропиской, наверное? Как-то вы не в восторге, мягко говоря, от нашего города.

– Да не в нем дело. Я просто все пытаюсь уехать, уехать... от себя.

И Николай Сергеевич все-таки рассказал мне свою историю

Вернее, ее начало. Как началась война, как его улицу стали обстреливать... На этом рассказ он прервал. Нас всех позвали в автобус. Ехать дальше.

Я за разговором и расспросами забыл сделать элементарное – во время большой остановки сходить, как говорят у нас, до ветру. Больше такой возможности не будет, а ехать еще часа полтора. Вот смотрю в окно и пытаюсь немного развеять грустные мысли моего соседа анекдотом. Я теперь, – говорю, – в положении того иностранца из известного анекдота. Не знаете? Немец попросился в лесу в туалет...

Молчание я воспринял как знак согласия слушать анекдот. «Едет автобус по лесной дороге, ну, типа нашего варианта. По украинской разбитой дороге. Немец подходит к водителю и думает, как заговорить, как попроситься в туалет? Для начала, естественно, поругал наши дороги, потом поинтересовался, почему их до сих пор после Второй мировой войны вы не ремонтируете? А потом все-таки попросил – «...остановите, пожалуйста, где есть туалет». Водитель еще проехал метров сто и остановил возле широкого кустарника, подбирающегося к самой дороге. Кивнул головой в сторону кустов, выходите, мол, здесь туалет... Немец вышел и пропал надолго в зарослях. Водитель заволновался, куда этот фриц подевался, вышел, закурил, а тут все-таки выходит пропавший иностранец, расстроенный такой и весь скорчившийся от долгого терпения. «Я, – говорит, – все ходил и ходил... там ходил и там... нигде не нашел туалет...»

Николай Сергеевич долгожданно улыбнулся, но тут же снова с грустью заметил: «Здесь, скорее, может произойти другой анекдот, с черным юмо-

ром, типа – ни фига себе сходил по хлебушек... В нашем варианте – раздается взрыв, и из кустов доносится прощально-скорбное и смертельно-удивленное: ничего себе сходил в туалет... Первого сентября женщина-пенсионерка вот так же сходила в посадку за дровами... Подорвалась на растяжке. Внук пришел из школы. Первый раз в первый класс, как говорят, а пришлось идти к бабушке, израненной осколками, в больницу... Не слышали эту историю? На прошлой неделе в станице Луганской произошла».

Я читал об этом в электронных СМИ, но слукавил, что не слышал, боясь спугнуть желание собеседника рассказывать и его просветлевшее настроение – как бояться дышать на едва горящую свечу.

И я услышал продолжение рассказа...

В Первомайске, где он жил с семьей в четырехэтажном доме, Николай Сергеевич имел неплохую работу и нормальную зарплату по нашим временам. Но в начале войны дом разбомбили. Да, собственно, весь Первомайск сейчас представляет собой жалкое зрелище – многие дома разрушены. Мина угодила прямо в их подъезд. Николай Сергеевич был в Луганске по работе два дня... Ему сообщили... Приехал на второй день после обстрела.

– Пришел к разбитому дому, – вспоминает Николай Сергеевич, – стал подниматься по лестнице на второй этаж. Теперь он заканчивался... небом. Комната наша была наполовину целая...

Николай Сергеевич прервался. Снова отвернулся к окну и, уже не глядя на меня, продолжил.

– Я не смог потом жить в своем городе, ноги каждый день приносили меня к моему дому, хотя я жил уже на другой улице. Я снова и снова поднимался по лестнице в свою квартиру. Там я нашел вещи жены, дочки, рисунки в альбоме внука. Альбом не сгорел, представляете? Так, концы опалило... И под детской кроватью на другой день нашел пожарную машинку. Сама такая желтая, а бак красный и лестница красная... Внуку Андрюше подарил ее на шесть лет... Я когда по лестнице поднимался, то слышал голоса. Не поверите...

Поднимаюсь на второй этаж и вдруг слышу – дочь просит в аптеку для матери за лекарством сходить. Оборачиваюсь – нигде никого. А то Андрюша спрашивает: «Дедушка, зачем ты машинку забрал, ты же мне ее подарил...»

Переехал в Луганск. Все нормально. Голоса пропали. Но вот лифт поломался. А я живу там на седьмом этаже. Я стал по лестнице подниматься... И снова: «Дедушка, машинку пожарную привези...»

Мне посоветовал знакомый в ваш город съездить, у вас хороший психологический центр. У нас там вообще нигде нет психологической помощи. Обратился в Рубежное. Замечательный человек там в центре психолог. Константин...

Николай Сергеевич снова задумался. Я подсказываю – «Константин Адаменко. Этот центр в центральной городской больнице, я знаю...»

– Я прожил год в Луганске, – продолжил рассказ Николай Сергеевич, – вот теперь в ваш город думаю убежать... Но, наверное, не уезду. От себя бегу. Надо в жизни принимать волевые решения. Вовремя. Уехать надо было сразу... Зять-то уехал. Целехонкий теперь. Но они уже и были в разводе... Может, даже вернуться в Первомайск потом. Такое ощущение, что я предал своих... Так что не в вашем городе дело. У вас как раз все нормально... И квартиры небом не заканчиваются...

Люди в салоне автобуса дружно засуетились. Подъезжаем. Все выглядывают в окна, где же сегодня заканчивается хвост очереди. Я жму руку Николаю Сергеевичу и прошу: «Только вы в Первомайск пока не ездите. Врач, наверное, тоже запретил пока ездить туда?»

Николай Сергеевич не ответил. Опять задумался. Печальные глаза смотрят в никуда. Как будто снова поднимается по лестнице на взорванный войной свой второй этаж.

* * *

*П*риближается время сдавать в редакцию материал о переселенцах. А я еще не определился даже с темой, о чем писать. В Рубежном в центральной городской больнице сейчас находится переселенка из Донецка. У нее осколочные ранения... Вот другой вариант – можно написать о хирурге – замечательная женщина, прекрасный специалист, приехавшая к нам из зоны АТО. Она работает в Северодонецке, живет в микрорайоне Южный... Думаю, выбираю, и вдруг – звонок. Сначала не понял кто... Человек сбивчиво и эклектично, не представившись, рассказывает... И по контексту я начинаю понимать, что мне звонит Николай Сергеевич...

Он в Первомайске. Все-таки поехал в разрушенный город. Все-таки решил снова прийти в свой дом, подняться по лестнице на второй этаж в свою полусгоревшую квартиру. Хотя и в центре психологической реабилитации врач-психолог не советовал ему возвращаться на место гибели родных, пока его преследуют навязчивые виртуальные голоса погибших. Я слушаю Николая Сергеевича. Кое-что

записываю, включил и диктофон. В итоге получилось продолжение драматического рассказа.

Николай Сергеевич еще несколько раз звонил мне в течение дня. И его рассказы (иногда домысливая некоторые эпизоды по логике событий), словно разорванные и опаленные войной лоскутья ткани, я сшивал воедино нитями строк, в единый, печальный и одновременно счастливый материал.

Первомайск

Николай Сергеевич остановился у своего подъезда. На стене большими буквами красной краской написано: «Здание в опасном аварийном состоянии!» Не то чтобы его остановило это предостережение (с некоторых пор он перестал бояться и смерти), а просто решил пока не подниматься по лестнице, переждать, передохнуть. Достал из походного рюкзака детскую игрушку – пожарную машинку: сама желтая, а лестница красная. В его новом доме в Луганске, когда он поднимался по лестнице, голос погибшего внука просил вернуть ему машинку (дедушка Коля подарил внуку Андрюше ее на день рождения). И теперь Николай Сергеевич думал: поддаться на просьбу голоса, положить машинку на место под детскую кровать, где он ее нашел, или все-таки оставить себе как память о внуке? Закурил...

К подъезду подошла женщина среднего возраста в темном платке, приблизилась к входу, который был наполовину закрыт покосившимися и держащимися на одной петле деревянными дверями. И тут она заметила сидящего недалеко просто на бордюре курящего седого мужчину.

– Вы здесь жили? Пришли к кому-то? – Вторую часть вопроса она произнесла так, словно не к дому пришел человек, а на кладбище.

Николай Сергеевич только кивнул головой. Ничего не ответил.

– А в какой квартире вы жили? – все-таки решила разговорить молчуна незнакомка.

– В 23-й. Там все погибли...

Женщина понимающе и сочувственно кивнула. Да, дедушка с бабушкой и дочь их. А потом спохватилась:

– Как все?! Мальчик маленький-то нашелся в детском приюте, его при взрыве в квартире не было. Андрюша... Андрюша зовут... Это же целая история...

Женщина продолжала рассказывать, а мужчина, похоже, ее уже не слышал. Он схватил машин-

ку, стал запихивать ее в рюкзак. Не сильно это у него получалось. Руки дрожали. Когда все-таки удалось, подбежал к женщине, обнял ее и по-детски заплакал:

– Где? Какой адрес приюта?!

Опешившая женщина сбивчиво рассказала, что теперь мальчик уже, говорят, в школе-интернате № 4, для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Это на Курчатова, кажется...

Через мгновение Николай Сергеевич уже бежал к остановке. Его сознание, как лодка без весел, просто поплыло по течению. По течению реки с названием «жизнь!». Он остановился, зачем-то снял свой рюкзак, поставил у ног. Потом спохватился, накинул его снова за спину и снова побежал. Побежал!.. В рюкзаке громко брякали металлические вещи, ложки, миска... Но веселее и звонче всех ударяла его по спине детская игрушка – желтая пожарная машинка с красной лестницей.

* * *

Представитель Красного Креста вошла в комнату младшей группы школы-интерната в сопровождении директора учреждения Натальи Петровны.

– Здесь у нас ребята от пяти до восьми лет. Особенно тяжелый вот этот ребенок, – директор показала рукой на сидевшего в углу мальчика.

Он держал в руках машинку, тербил ее на весу, но не смотрел на нее. Взгляд его упирался в противоположную стену и гас. Машина выскользнула из слабых рук и упала на пол. От стука, как от выстрела, ребенок вздрогнул и посмотрел на подошедших к нему тетенок.

– Он совсем не разговаривает, – добавила директор интерната. – Сколько пытались с ним говорить – ни в какую. Хотя все понимает, умный... Только иногда плачет. Как взрослый плачет. Слезы текут по щекам, и все... Ни голоса, ни всхлипывания.

Гостя провела рукой по голове мальчугана и почти вскрикнула от неожиданности.

– Да ведь у него седина!

Она по-матерински обняла мальчика и спросила:

– А как зовут маму? А папу? Где ты жил? Кто твои родители? Может, бабушку помнишь или дедушку? Как зовут маму... папу... дедушку?..

В большом зале школы-интерната часть детей младшей группы играли на полу, на красивом

ковре, багровом, с желтыми симметричными квадратами и кругами. Некоторые дети сидели вдоль стены на лавочке. Две девочки, лет шести, стояли у окна, вглядываясь в проходящих мимо здания чужих женщин, похожих на мам...

Войдя в коридор, Николай Сергеевич рванулся было сразу и дальше в зал, но полная пожилая воспитательница в белом медицинском халате, надетом поверх простенького домашнего халатика, всплеснула от ужаса руками и буквально заголосила: «Мужчина! Вы куда? Там же дети. Разуйтесь немедленно. На вас же смотреть страшно, там все стерильно! Вы с ума сошли!»

Вошедший в коридор дедушка Коля только скользнул взглядом по кричавшей и тут же рухнул на колени и, стараясь не касаться нового ковра своими пыльными туфлями, пошел к лавочке, на которой сидел мальчик с машинкой в руках. Он шел на коленях, глядя в одну точку – в лицо внука. Он шел на коленях и смотрел, смотрел на Андрюшу сквозь маленькие соленые линзы слез...

Мальчуган, к которому приближался по ковру дед, поднял сначала правую руку, сжатую в кулачок, потом левую, потом подбежал к деду и обнял его своими ручонками крепко-крепко, продолжая громко и радостно восклицать: «Коля, Коля, дедушка Коля!»

Воспитательница всплеснула руками: «Надо же, заговорил!»

* * *

Последний раз в этот день Николай Сергеевич позвонил поздно вечером. Снова много, радостно и эмоционально повторял, как он нашел Андрюшу. А потом добавил, что теперь с ним придет в наш город.

Но это уже другая история.

Привет, дед Иван!

Довольно часто мне приходится пересекать линию разграничения между Украиной и ЛНР в станице Луганской, проходить через КПВВ (контрольный пункт въезда и выезда). Здесь своя традиционная зарядка для организма – простоять в очереди часов пять-шесть, потом пройтись пару километров пешком по дороге, затем чуть меньше – по изуродованному минами мосту, по лестнице, которая на ладан дышит и всё обещает приказать долго жить. Скрипит, пугает, но держится, и по её хлипким деревянным ступенькам каждый день проходит не менее 7 тысяч человек.

Это и «челноки», гостящие у родственников, мелкие торговцы с тележками – кравчучками, с ящиками яблок, мандарин или других товаров, более дешевых по ту сторону окопов. Это и пенсионеры, оформившие свои пенсии на Украине, но живущие в банановой республике (как они сами её называют) и волею судеб вынужденные отмечаться и посещать квартиры, в которых они якобы живут. Часто встречаются велосипедисты: всё-таки только между КПВВ противоборствующих сторон в целом минимум 3 км, а прийти раньше других и занять очередь – многого стоит. Здесь валюта – часы, минуты. С двухколесным другом наполовину меньше стоять в змеевидной очереди по пять человек в шеренгу. Но вот этим летом встречаю на мосту не двухколесного друга, а трехколесного! Ведут его двое мужчин, лет по сорок с копейками, и боевой парнишка, лет десяти. Двигается на меня в их сопровождении три колеса, два руля, две пары педалей, три сиденья (посередине – меньшее, видимо для ребёнка). Самодельный тандем! Не удержался – подхожу к хозяевам чудо-техники: ведущий – молодой мужчина со вспотевшим лицом, мокрым чубом, но со взглядом, полным удовлетворённости от выполненного. За ним обозначает своё участие в движении чудо-велосипеда, держась за малое сиденье рукой, голубоглазый мальчонка, чем-то сразу мне напомнивший образ лихого героя – сына полка: по деловитости, самостоятельности и уверенности, с которой он держит руку на седле. Замыкает шествие мужчина, внешне очень похожий на ведущего... скорее всего, они братья. Поздоровались.

– Откуда дровишки? – спрашиваю пафосно в надежде на симметричный литературный ответ, типа «из лэнээр вестимо...». Но – никакой художественности.

– Забрали деда Ивана из старой квартиры. Стреляют там часто, – отвечает первый мужчина обыденно-просто и вместе с тем загадочно. Меня велосипед заинтриговал. То, что дед, это понятно и по ржавчине, и по общему состоянию металлоконструкции. Но почему велосипед – Иван? Спрашиваю у ведущего и представляюсь. Он в ответ кивнул.

– Меня Сергей зовут. Далее – внук Ярослав и брат Михаил...

И, чтобы узнать ответ на свой вопрос, я поменял направление движения и пошёл с весёлой компанией назад к КПВВ, который я уже прошёл. Чего не сделаешь ради интересной истории – судьбы. А рассказ действительно хорош. Вот он.

– Мой прапрадед был мастеровым, – рассказывает Сергей. – Создавал сам полезные самоделки и приспособления, инструменты и механизмы всякие... Как память о нём, о его умелых руках и смекалке сохраняли его дети, внуки и правнуки одну вещь – тандем (велосипед) с сиденьем для ребёнка посередине. Велосипед для нашей фамилии был не просто семейной реликвией, но и почти религией. На нём не ездили. Он стоял в углу сарая как икона. И все, кто входил сюда, вначале говорили трехколесному пращурю – «привет, дед Иван!», а потом уже занимались своими делами: брали косу или самодельную сеялку, или ещё какой-нибудь хитрый инструмент, который смастерил дед Иван Трофимович. Велосипед от всеобщей любви к нему, однажды, наверное, наделённый душой, стал для всей нашей фамилии просто «дедом Иваном». Когда началась Великая Отечественная война, моему деду было 18. Он ушёл на фронт. А его десятилетний брат Степан остался с мамой (нашей бабушкой Маней).

В город вошли немцы. В доме у нас расположились два румынских офицера. Нормально себя вели, особо не нагтели, даже конфетами иногда угощали Стёпку. А он «ненавидел лютой ненавистью» (как он говаривал потом) фашистов и всё искал моменты, чтобы напаковать им.

Такой случай. Ехал он зимой 42-го на коньках-снегурках со скользкой горы и как будто случайно врезался в толстого рыжего немца, сбил его с ног и дал чёсу, а потом всей братве трепал, как он фюрера убил. Его поправят: «Да не убил, а сбил!» Он мотает головой: «Не-а, убил!» Настала зима 43-го. Пришли «фюреров» убивать по-настоящему советские солдаты. Наши сожители-румыны вначале выбили окно и поставили ручной пулемёт отстреливаться, но потом всё бросили и стали убегать кто на чём: на мотоциклах, машинах, велосипедах... Один румын заскакивает в сарай и хватается «деда Ивана». Долго не может понять, почему три колеса, но пытается ехать. Бабушка Маня тоже хватается за руль и кричит: «Не тронь деда!» Румын, понимающий немного по-русски, удивляется: он никакого деда и не трогает, вот только все сильнее тянет велосипед за руль. А бабушка мертвой хваткой схватилась за колесо. Тогда он её с такой силой оттолкнул, что она упала и ударилась головой об угол дома. Фашистский прихвостень так и не смог поехать на велосипеде: упал пару раз с него и бросил велосипед за двором... Бабушка оставшиеся годы жизни всё лежала на кровати. Врачи сказали, что сломан шейный позвонок, что ноги и руки будут

усыхать... Стёпка потом всё время в бабушкину комнату заглядывал, смотрел на её руки и ноги – не усыхают ли, и тихо их гладил, шептал, жуя слёзы: «Не умирай, бабушка, «дед Иван» в сарае стоит, с ним ничего не случилось...» А перед смертью бабушка собрала сыновей и внуков...

– То, что я умру, это ничего, это так положено. Это не страшно. Страшно, если кто-то из вас хоть когда-то забудет нашего деда Ивана. Помните его! Это все мы, это наша семья и ваши дети, и внуки... Они все – наша фамилия, вся наша страна держится на Иванах. Поэтому мы победим фашистов... Берегите деда...

* * *

Лето 2014 г. Город обстреливают. Даже не поймёшь кто: украинская армия или ополченцы. Наша семья вынуждена переехать в другой город, это 45 км от нас. Там живут наши родственники. В этом городе тихо и не надо прятаться в подвалах. И вот где-то на пятый день, когда мы уже перестали вздрагивать от того, что выбивают ковёр, или от того, что автопогрузчик высыпает громко мусор в кузов машины, мой старший брат Михаил говорит: «А «деда Ивана» забыли в сарае? Забыли! Нам этого бабушка не простила бы!» – «Цепок надо склепать, – говорю я, – тогда и своим ходом можно вернуться будет». Но тут преградой всей задумке стал внук Ярослав. Ему 10 лет, как тогда в 43-м Степану. «Я, –

говорит, – с вами поеду за «дедом Иваном», там место посередине для ребёнка есть. Я уже под обстрелами был. Я взрослый». Настоял на своём сорванец. Вылитый Степан... Вот через сутки мы едем назад втроём на тандеме. «Дед Иван» поскрипывает, похрипывает, тормозит задним колесом порой, счастлив. Я так думаю... А на всех КПВВ нас пропускают и ополченцы, и армейцы. И реагируют одинаково – хохочут и желают доехать благополучно. Одни по-украински, другие по-русски...

Владимир Дмитриевич ПЕТРУШЕНКО

окончил ВГПИ (ныне Луганский педуниверситет), филолог.

Работал в школе, лицее, колледже,

сейчас работает журналистом на ТРК «Рубежное» .

Член МСПУ, МСПС, Конгресса литераторов Украины.

Автор 5 прозаических и 4 поэтических сборников,

лауреат литературной премии имени Михаила Матусовского.

Победитель и призер многих международных конкурсов

в номинациях «Проза», «Поэзия», «Художественный перевод»,

«Драматургия», «Литература для детей».

Книга очерков о войне на Донбассе «Деревья без крон»

стала победителем в номинации «Книга года». Киев.

«Созвездие духовности» – 2019.

В журнале «Север» публикуется впервые.

